

УДК 94(47).05

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-153-158

Прутский поход 1711 года – военно-политический просчет или личная капитуляция Петра I?

А. В. Дмитриев

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматривается новая монография В. А. Артамонова, посвященная анализу одного из военных конфликтов первой четверти XVIII в. – войны России с Османской империей в 1710–1713 гг. Автор прослеживает основные политико-дипломатические и боевые эпизоды данного конфликта, особое внимание уделяя Прутскому походу 1711 г., и приходит к выводу, что заключение невыгодного для России мирного договора стало следствием не военного поражения русской армии, а морального надлома возглавлявшего ее Петра I. Впоследствии сам Петр I постарался замаскировать свою неудачу, объясняя исход кампании неблагоприятным состоянием своей армии и неблагоприятными обстоятельствами.

Ключевые слова

Россия, Османская империя, Петр I, Прутский поход, первая четверть XVIII в.

Для цитирования

Дмитриев А. В. Прутский поход 1711 года – военно-политический просчет или личная капитуляция Петра I? // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 8: История. С. 153–158. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-153-158

The Pruth Campaign of 1711 – Military and Political Miscalculation or Personal Surrender of Peter I?

A. V. Dmitriev

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper discusses the new monograph, published in 2019 by V. A. Artamonov, well-known researcher of the Petrine epoch. His book is dedicated to studying the military conflict between Russia and Ottoman empire in 1710–1713. The author shows clearly that Ottoman Sultan Ahmed III and his commander in chief Mehmed Pasha had no plan of any invasions to Russia, but wanted just return to the borders before 1696 in the Priazovye region. Peter I, planning his expedition to Moldavia in 1711, did not take to consideration the experience of Austrian and Polish campaigns against Ottomans in the end of the 17th century. This led to encirclement and blockade of the Russian army by the Ottoman forces on the Pruth river (July 9–12, 1711). Under these conditions Peter I could not make a decision to fight, but preferred to negotiate peace, although Russian army was quite able to defeat enemy. The Ottoman side willingly agreed to make peace, which was supported by giving almost 300.000 Rubles to commander in chief Mehmed Pasha and his staff. After that Russia lost some fortresses in the Priazovye region and political influence on the Christian peoples under Ottoman rule in the Balkans. This monograph could be highly recommended for academic scholars, teachers and students of higher education institutions.

Keywords

Russia, Ottoman empire, Peter I, Pruth campaign, 1st quarter of the 18th century

© А. В. Дмитриев, рец., 2020

For citation

Dmitriev A. V. The Pruth Campaign of 1711 – Military and Political Miscalculation or Personal Surrender of Peter I? *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 8: History, p. 153–158. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-8-153-158

Вышедшая недавно новая монография Владимира Алексеевича Артамонова, известного российского историка, много лет изучающего военно-исторические сюжеты эпохи Петра I, посвящена, с одной стороны, казалось бы, достаточно изученному, а с другой, все же не слишком популярному эпизоду полководческой карьеры упомянутого монарха – Прутскому походу 1711 г. и (шире) событиям военного конфликта между Россией и Османской империей в 1710–1713 гг. [Артамонов, 2019]. По справедливому замечанию автора, «победы русского оружия, естественно, привлекали большее внимание, чем поражения» [Там же. С. 13]. Поэтому о выигранных Петром сражениях Северной войны 1700–1721 гг. (прежде всего, о Полтавской битве) написано чрезвычайно много, а о неудачном для царя Прутском походе – значительно меньше. Впрочем, в историографическом разделе введения В. А. Артамонов детально проанализировал существующие работы, принадлежащие перу как отечественных (дореволюционных, советских и современных исследователей), так и зарубежных историков (А. Курата, Э. Тенгберга и др.). Хотя рецензируемая монография базируется в основном на опубликованных источниках, автор также вводит в научный оборот некоторые новые документы из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА), в частности, донесения австрийских дипломатов и инструкции последним из Вены, скопированные после Второй мировой войны из Венского государственного архива [Там же. С. 26]. Да и библиографический список использованных публикаций источников (42 названия на русском языке, 22 на иностранных языках – английском, французском, немецком, шведском) вызывает уважение.

Разбирая причины, приведшие к объявлению Османской империи войны России в ноябре 1710 г.¹, В. А. Артамонов объясняет кажущийся парадокс (турки рискнули начать войну с победителем шведов, всего полтора года назад разгромившего Карла XII под Полтавой!) сложным сочетанием военных и дипломатических замыслов обеих сторон. Турецкий султан Ахмед III изначально не ставил больших задач, подтверждением чего явился его выбор в качестве главнокомандующего (великого везира) Мехмед-паши Балтаджи, который «был снисходителен, приветлив, пуглив, пользовался популярностью в народе... не хотел разрыва с Россией» [Там же. С. 35]. Зато османской дипломатии удалось не допустить складывания антитурецкого фронта и мобилизовать своих союзников – крымского хана Девлет II Герая, запорожских казаков и укрывшегося под Бендерами Карла XII с остатками шведской армии и контингентами поляков, поддерживавших С. Лещинского против Августа II. Зато российская сторона вступала в войну, очевидно, переоценивая свои возможности, поскольку недавний триумф «поднял авторитет царя и вознес до небес веру генералитета в свои силы. В Российском царстве стали претендовать на статус “Священной Римской империи”, Испанской колониальной империи или Французского королевства» [Там же. С. 46]. Более того, ошибочной оказалась сделанная Петром ставка на всеобщее восстание христианских народов под властью турок на Балканах при первом же появлении русской армии на османских территориях.

Анализируя план кампании, принятый Петром и построенный лишь на быстроте продвижения, В. А. Артамонов справедливо отмечает многочисленные промахи царя и его генералитета: никак не учитывался недавний опыт вторжения на территорию противника австрийцев в 1689 г. и поляков на протяжении последних двух десятилетий XVII в.; не была

¹ Вслед за автором мы считаем обоснованным название монографии: «Так как объявление войны последовало со стороны Турции, разумнее дать заголовок “Турецко-русская война 1710–1713 гг.”, в отличие от существующего обычая именовать все войны России как “русско-турецкие”...» [Артамонов, 2019. С. 12].

проведена разведка операционных линий похода; тщетной оказалась надежда получить уже в Молдавии заранее заготовленный на четыре месяца провиант. Турецкое командование сумело провести мобилизацию армии и выступить в поход раньше, что позволило Мехмед-паше достигнуть Дуная первым. Осложнил ситуацию также зимне-весенний набег крымских татар на Правобережную Украину, в результате которого петровской армии пришлось маршировать по разоренной местности еще до вступления в соприкосновение с противником. Вполне обоснованной выглядит авторская оценка: «В 1711 г. войну начали, как и в 1700 г. против шведов – “как слепые”... Неверное стратегическое решение привело к катастрофе...» [Артамонов, 2019. С. 54]. Показательны и процитированные далее слова самого Петра: «“Турок ставили за мало” – за этими, сказанными уже вслед за прутской неудачей словами, Петр I скрыл целый пласт промахов... Кампания 1711 г. стала рискованной импровизацией» [Там же. С. 64, 65]. В свете всего этого становится понятен и ее дальнейший ход.

Чрезвычайно подробно В. А. Артамонов останавливается на действиях русской армии в Молдавии, буквально по дням разбирая ее продвижение и те решения, которые принимались командованием. Одно из этих решений, принятое на военном совете 14 июня² 1711 г., когда русская армия находилась на берегу Днестра, и стало, по его мнению, роковым. На этом совете в последний раз обсуждалось, наступательную или оборонительную тактику предпочесть, с учетом того, что турецкая армия уже перешла Дунай. Интересно, что за второй вариант стояли генералы-иноземцы д'Энсберг, фон дер Остен, В. Беркгольц, Л. Н. Алларт, предлагавшие встретить противника на Днестре и заставить его принимать сражение в невыгодных условиях. Однако Петр, вдохновленный молдавским правителем Д. Кантемиром, 10 дней назад провозгласившим свое княжество русским протекторатом, рвался вперед. Своего государя поддерживали русские дипломаты и генералы: Г. И. Головкин, П. П. Шафиров, В. В. Долгоруков, А. И. Репнин и др. В итоге постановили начать форсирование Днестра: «Генералитет раскололся. “Немецкой партии” пришлось, скрепя сердце, замолчать» [Там же. С. 120]. Пожалуй, стоит согласиться с автором в том, что предложение «немецкой партии» было верным, а Петр совершил ошибку, не прислушавшись к нему.

А вот при первом непосредственном соприкосновении с неприятелем 7 июля именно несколько командиров-европейцев (генерал-фельдмаршал-лейтенант Янус фон Эбершtedт, генерал-майор И. Видман и бригадир Ж. Н. Моро де Бразе), по мнению В. А. Артамонова, повели себя не лучшим образом: приняли только что переправившиеся через р. Прут передовые отряды турок за основную армию, предпочли отступить обратно к главному лагерю и дезориентировали ложной информацией самого Петра³. Положение усугублялось еще и тем, что крымская конница не только постоянно угрожала ударом в тыл продвигавшейся русской армии, но и имела возможность отслеживать каждый шаг противника, оперативно доставляя Мехмед-паше все необходимые сведения. Петр же действовал, по существу, вслепую, и именно этим автор объясняет нерешительность полтавского триумфатора, указывая, что другой полководец на его месте попытался бы взять инициативу в свои руки: «Принц Евгений Савойский, Карл XII, П. А. Румянцев, А. В. Суворов, рванувшись вперед, накрыли бы передовые части врага и, может быть, захватили плацдарм на правом берегу Прута» [Там же. С. 143]. На совете вечером 8 июля Петр принял решение отходить обратно к Яссам, хотя на тот момент, как указывает В. А. Артамонов, «русская армия, обладая всеми родами войск, качественно и количественно превосходила конницу противника и, тем не менее, уходила от врага, не имевшего ни пехоты, ни артиллерии» [Там же. С. 147, 148].

Не заставило Петра перейти к активным действиям и успешное отражение первой атаки турок на русский укрепленный лагерь вечером 9 июля. Вместо этого он позволил Мехмед-паше подтянуть к месту сражения всю артиллерию, которая с утра 10 июля начала систематический обстрел лагеря. Русская армия была готова сразиться с неприятелем и одержать

² Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю.

³ Вину за то, что русская армия через два дня оказалась блокирована противником, возлагал на Януса фон Эбершtedта также Я. Е. Водарский [Водарский, 2004б. С. 5].

победу, но ее главнокомандующий оказался не в состоянии решиться на это. По мнению автора, «Петр Великий был гигантом духа, но раскачка его психики могла быть огромной. Необузданность сопровождала всю его жизнь. Трижды он терял самообладание – при бегстве от царевны Софьи в Троицкий монастырь в ночь с 7 на 8 августа 1689 г.; через 11 лет перед появлением шведов у Нарвы ночью 18 ноября 1700 г.; и вот теперь снова через 11 лет – на Пруте» [Артамонов, 2019. С. 172]. Нервный срыв, дополненный эпилептическим припадком, из которого царя смогла вывести лишь сопровождавшая его будущая императрица Екатерина Алексеевна, привел к тому, что, невзирая на мнение ряда своих генералов (М. М. Голицына, Я. В. Брюса, А. А. Вейде, Алларта, Долгорукова, Репнина), настаивавших на возможности успешного прорыва из окружения, Петр отправил гонца к верховному везиру с просьбой о перемирии. Главный вывод В. А. Артамонова – поражение потерпела не русская армия, а лично ее главнокомандующий – подкрепляется текстом инструкции царя П. П. Шафирову, отправленному на переговоры с Мехмед-пашой: «Чтобы вырваться из ловушки, государь был готов на немислимое – отказаться не только от завоеваний на юге в 1695–1696 гг., но и от 10-летней борьбы за Балтику, сдать Карлу XII и С. Лещинскому Речь Посполитую, уступить всю Лифляндию... за Ингрию он был готов заплатить Псковщиной» [Там же. С. 183].

Как известно, турецкая сторона довольствовалась относительно малым: восстановлением положения до 1696 г. в Приазовье, чтобы полоса от излуины Днепра до Азова считалась нейтральной, и обязательством России не вмешиваться в дела Речи Посполитой и запорожских казаков. В пользу Швеции турки не потребовали вообще ничего. Противились заключению мира лишь крымский хан и польский союзник Карла XII С. Понятовский, но верховный везир не пожелал к ним прислушаться. А чтобы закрепить успех, П. П. Шафиров пообещал последнему и его приближенным выплату больших денежных сумм (почти 300 тыс. руб.), которые были переправлены турецкой стороне уже после того, как русская армия начала обратный марш на север. Заметим, что эти деньги послужили лишь вспомогательным средством для достижения цели, поставленной Петром, а отнюдь не главным залогом спасения царя и его армии, так что отказ квалифицировать их передачу как подкуп вряд ли имеет смысл даже из соображений престижа⁴. Кроме того, В. А. Артамонов обратил внимание на те преувеличения и искажения, которые впоследствии были внесены в текст «Гистории Свейской войны», чтобы оправдать поведение царя: именно по воле самого Петра там появились шаблонные формулировки о «невыносимых условиях, нехватке провианта» и пр., некритически воспринятые многими историками [Там же. С. 232–234].

Проследивая дальнейший ход событий, автор подробно разбирает эпизоды боевых действий в 1712–1713 гг., когда Османская империя еще дважды возобновляла состояние войны с Россией. Причинами этого были задержки с передачей туркам Азова и выводом русских войск с территории Речи Посполитой. Однако фельдмаршалу Б. П. Шереметеву удалось организовать оборону русских границ на юге, так что ожидавшегося турецкого вторжения не произошло. Окончательному примирению, состоявшемуся в июле 1713 г., способствовала и принудительная высылка шведского короля из его лагеря под Бендерами, осуществленная по прямому приказу султана Ахмеда III. Также В. А. Артамонов чрезвычайно высоко оценивает дипломатическую деятельность П. П. Шафирова, многие месяцы фактически находившегося на положении заложника и, не получая указаний из Петербурга, вынужденного дей-

⁴ Е. В. Анисимов в «Биохронике Петра Великого день за днем» справедливо замечает: «Я. Е. Водарский согласен, что великому визирю Мехмеду-паше и его окружению были обещаны деньги “в благодарность за труды”. Но при этом он целомудренно избегает употреблять понятие “взятка”, “подкуп” и приходит к странному выводу: “Деньги, обещанные визирю Мехмеду-паше и его помощникам, которые якобы повлияли на ход мирных переговоров и на принятие условия, были традиционными подарками, а не подкупом”». См.: 11/22.07.1711, ср. П. и Екатерина в лагере у Прута // URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/246793630> (дата обращения 25.04.2020); [Водарский, 2004а. С. 170].

ствовать на свой страх и риск. Изложение доведено автором до 1714 г., когда состоялась окончательная демаркация новых границ в Приазовье.

Несомненным достоинством рецензируемой монографии является то, что автор уделил военным аспектам рассматриваемых событий не меньшее внимание, чем политико-дипломатическим. Такой подход позволил, на наш взгляд, аргументированно доказать, что в ходе кампании 1711 г. русская армия не только не потерпела поражения, но и была в состоянии одержать победу над противником даже при условии значительного численного превосходства на стороне последнего. В заключении В. А. Артамонов отмечает, что «отечественная историография войну 1710–1713 гг. щадяще именovala “неудачной” и зачисляла ее в рубрику второразрядных эпизодов на фоне успешных кампаний на Балтике» [Артамонов, 2019. С. 401]. Здесь очевиден намек на позицию Я. Е. Водарского: «Хотя в 1711 г. был потерян выход в Азовское море – Азов и окружающая его территория – и Россия вынуждена была пойти на определенные политические уступки, но в контексте главной задачи, которую решал тогда Петр – сокрушения Швеции, возвращения захваченных ею земель и обеспечения выхода в Балтийское море – это была относительно небольшая цена» [Водарский, 2004б. С. 21]. Однако трудно не согласиться с В. А. Артамоновым в том отношении, что «из-за масштабных потерь на юге Петр I лишился значительной части влияния в Молдавии, Валахии, Черногоории, Герцеговине, Сербии, Западной Черкесии и Кабарде. Война с Турцией на несколько лет затянула войну Северную» [Артамонов, 2019. С. 401].

К недостаткам книги, пожалуй, стоит отнести лишь использование некоторых имен и терминов в не совсем привычных для российского читателя вариантах их написания без каких-либо пояснений (имя династии крымских ханов «Герай» вместо «Гирей», термин «везир» вместо «визирь» и др.). Также не совсем понятно, по какой причине не соответствуют стандарту полного библиографического описания помещенные в конце списки опубликованных источников и литературы – отсутствуют указания издательств и количества страниц для монографий, не всегда приведены номера страниц для статей в журналах и сборниках. В целом, по нашему мнению, данная монография является значительным вкладом в изучение военного конфликта России и Османской империи в 1710–1713 гг. и может быть рекомендована академическим специалистам, преподавателям и студентам вузов. Мы надеемся, что наша рецензия поможет привлечь к ней внимание всех, интересующихся историей России первой четверти XVIII столетия.

Список литературы

- Артамонов В. А. Турецко-русская война 1710–1713 гг. М.: Кучково поле, 2019. 448 с.
Водарский Я. Е. Загадки Прутского похода Петра I. М.: Наука, 2004а. 226 с.
Водарский Я. Е. Легенды Прутского похода Петра I (1711 г.) // Отечественная история. 2004б. № 5. С. 3–26.

References

- Artamonov V. A. Turetsko-russkaya voina 1710–1713 gg. [Ottoman-Russian War 1710–1713]. Moscow, Kuchkovo pole, 2019, 448 p. (in Russ.)
Vodarsky Ya. E. Legendy Prutskogo pokhoda Petra I (1711 g.) [Legends of Peter I’s Pruth Campaign]. Otechestvennaya istoriya [Russian History], 2004b, no. 5, p. 3–26. (in Russ.)
Vodarsky Ya. E. Zagadki Prutskogo pokhoda Petra I [Riddles of Peter I’s Pruth Campaign]. Moscow, Nauka, 2004a, 226 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
27.04.2020

Сведения об авторе

Дмитриев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)
khaldeus@academ.org

Information about the Author

Andrei V. Dmitriev – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
khaldeus@academ.org